

лода, посланный своим великим отцом. Зато в отношении Владимира Глебовича, являвшегося родичем и подручным Всеволода, сохранен правдивый летописный рассказ вместе с описанием его геройских дел. В летописи по именам перечислены еще шесть князей, пошедших вместе со Святославом Киевским. В Степенной книге все эти имена скрыты за формулой «и иных князей шесть». Это сделано для того, чтобы скрыть южнорусский состав участников похода и создать впечатление, что поход и по составу участников был владими́ро-суздальский. Дальше идет довольно точный пересказ летописного описания похода, повторяющий даже явно ошибочную цифру летописи о 417 половецких князьях, захваченных в плен. Заканчивается рассказ следующими словами: «Сие преславу победу паче надежда даруяй бог православным, на поганья враги ходящих по повелению старйшего им самодержателя, богохранимого Всеволода».

Так, официальные книжники XVI в. зачеркнули гениальные строки «Слова»: «... отец их — Святослав грозный, великий, киевский — грозою бьет притрепал своими сильными плъки и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хльмы и яругы, взмути реки и болота... А поганого Кобыка из луку моря от железных великих полков половецких яко вихрь, выторже... Ту немцы и венецици, ту греки и морава поют славу Святославу».¹⁴

Степенная книга «славу Святославу» переписала на «самодержца» Всеволода Суздальского.

Теперь предстояло «притоптать» другой, недопустимый с точки зрения составителей Степенной книги момент «Слова» — содержащийся в нем прямой упрек Всеволоду в равнодушии и бездействии по поводу поражения князя Игоря, к факту самому по себе незначительному, но вознесенному в «Слове» на огромную высоту.

И вот, вслед за описанием победы князей, «ходящих по повелению... Всеволода», идет такой рассказ: «О зависти Ольговичев и о милости Всеволожи».¹⁵ «Егда же сему позавидеша Ольгови внуцы, и кроме Всеволожа повеления, уповающе собою, идоша на половьды и многу сотвориша победу и за Дон устремишася в самыя луки моря, хотяще до коньца победити их, забывше божие строение, яко же негде пишет: «никто же уповая собою спасется» и в Лукоморие словохотием приидоша и сами от половецъ победшася и без вести быша, дондеже гостие нецыи возвестиша сия на Руси, благосердый же самодержецъ Всеволод умилосердися о них и, Богом подвижаем, сам подвижеся на половцы, всячески тыщася освободити плененных своих. Половцы же и с вежами своими бежа к морю».¹⁶

Вот, оказывается, как было дело. Автор «Слова» лукавил, когда писал о Всеволоде: «не мыслю ти прилетети издалеча отня злата стола поблюсти». Всеволод тотчас пошел выручать Ольговичей, т. е. Игоря и его родичей; «егда... позавидеша» Всеволоду и «кроме его веления», они пошли на половцев. Связь между именем Всеволода и походом Игоря, родившаяся в сознании автора «Слова» — «не мыслю ти прилетети издалеча...» — нашла, как видим, в XVI в. отклик в виде решительного опровержения. Интересно, что слова «половцы же и с вежами своими бежа к морю», заключающие вымышленный рассказ о походе Всеволода на помощь Игорю, сами по себе не вымышленны. Они взяты составителями Степенной Книги из рассказа Лаврентьевской летописи о походе Всеволода на

¹⁴ «Слово о полку Игореве». Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Петт. М — Л., 1950. стр. 18.

¹⁵ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 226.

¹⁶ Там же.